

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Тетраидная теория генезиса первичных систем родства

Н.М. Гиренко

К ДИСКУССИИ О ГЕНЕЗИСЕ ПЕРВИЧНЫХ СИСТЕМ РОДСТВА

Эволюционистские школы рассматривали явления культурной жизни других народов как последовательный переход от одного состояния к другому (как последовательную смену исторически неизбежных стадий), стремясь построить эволюционный ряд общественных и культурных признаков в стройную цепь по принципу первичности/вторичности. В основе такого подхода, конечно, лежит идея происхождения всего социального из некоторой единственной точки, будь то чудотворное или естественное создание (возникновение) первичной пары людей, первичного единого народа, первичного единичного культурного типа, первичного специфического языка и т.п.

Материалы по системам родственных отношений имеют принципиально важный характер для понимания социальной жизни в так называемых догосударственных обществах, являющихся как бы исторической основой для осмысления общих закономерностей развития человеческого общества в самых различных его проявлениях. Именно догосударственные общества и их рудименты в современных государственных социальных организациях представляют собой некоторую социально-историческую платформу, или отправной исторический материал для осознания эволюционных корней явлений современной действительности, не поддающихся интерпретации на основании синхронного социологического материала обществ исследователей. Но и сами современные, т.е. относящиеся к эпохе научного познания этнографического мира, «примитивные общества», снабжающие этнографически-

ми параллелями различные интерпретации культурных явлений обществ «развитых», поставляющие материал для гипотетических представлений о далеком прошлом индустриальных культур и всего человечества, являются нашими современниками, учитывая, сколь мал с исторической точки зрения временной период с начала целенаправленного изучения «иных» культур по настоящее время. В данном случае принципиальным становится вопрос о соотношении времени эволюционного и времени астрономического — однонаправленной хронологической шкале из некоей вечности прошлого в некую вечность будущего, где нулевая точка отсчета находится не в прошлом или в будущем, а в современности, к которой относит себя исследователь. Эволюционное время от времени мирового отличается, прежде всего, тем, что предполагает процесс развития явления (будь то Вселенная, человечество или отдельное общество). Развитие не имеет смысла, если не предполагать, что произошел переход от некоторого предыдущего состояния к некоторому последующему, т.е. и здесь не существует некоторого нуля, полного отсутствия объекта развития. Последнее с неизбежностью предполагает и преемственность в последующем состоянии некоторых свойств состояния предшествующего. Само сопоставление двух состояний одного явления, например, существующей в настоящее время системы родственных отношений, или СТР, с ее гипотетическим прошлым состоянием, требует определения их общих свойств и свойств, отличающих эти два состояния, т.е. предполагает их системное единство. Это правомерно только в том случае, если мы говорим о некотором едином процессе, отдельном наблюдаемом объекте — одна система, один субъект развития в различных его временных состояниях. Развитие (в отличие от простого изменения) необходимо предполагает накопление свойств, в то время как замедление развития предполагает снижение темпов накопления свойств, а деградация, или инволюция, — их уменьшение. Как принято считать, для такого объекта, как человечество, вместе взятое, эволюция идет с ускорением накопления свойств, в результате чего изменяется облик человечества в целом. При этом, однако, и тоже с ускорением, ряд свойств становится общим для всего человечества.

Между тем практика показывает, что любое новое явление возникает всегда по обратной логике — из некоторого множества явлений (людей, идей, народов и пр.) возникает нечто

новое, заимствуя из предшествующего состояния (через взаимодействие компонентов этого предшествующего состояния) некоторые свойства и образуя новое явление, часто сосуществующее параллельно с явлениями прошлого и формируя (уже только благодаря этому сосуществованию) более сложную систему. В данном случае важно, что ни один компонент былого «множества» в отдельности не может рассматриваться в целом как эволюционный предшественник этой «новой» системы. Таковыми могут считаться только те свойства в «предшествующем» состоянии, без которых невозможно само существование «последующего». В эволюционизме часто это соотношение части (отдельного свойства былого множества) и целого (вся сумма компонентов этого множества) отождествлялись, что нашло отражение в попытках введения глобальной стадильности не только для человеческого общества в целом, но и для отдельных общественных компонентов, отдельных обществ, отдельных культур.

В достаточно ярком виде это проявилось, в частности, в попытках выяснения исторического соотношения родовой, семейной и общинной организации, СР и СТР, форм брачного поселения и направленности брака. В настоящее время мы можем видеть всю палитру подходов к соотношению этих явлений. Здесь присутствуют и стремление дать конкретную причинно-следственную обусловленность возникновения одного из отмеченных институтов из другого конкретного института или из сочетания конкретных институтов, и полный отказ от общих моментов в эволюции общественных систем и отдельных, представленных во множестве культур подсистем, и попытки вывести все формы социальных институтов из некоторой основной формы, которой должна была обладать некая первичная система.

В целом можно сказать, что вопрос как состоял, так во многом и в настоящее время состоит в том, какие стадильные формы были пройдены в процессе эволюции, какие свойства выступали на различных этапах в качестве первичных, что заставляло человечество или какие обстоятельства вынуждали общество модифицировать эти свойства. Тенденции такого подхода, по крайней мере в отношении социальных институтов первобытности, древней или относительно современной социальной истории, существуют и в настоящее время.

Этот подход, будучи исторически неизбежным и эвристичным для XIX в., века систематизации и классификации эмпирических данных на пространственной и временной (эволюционной) шкале, таит в себе опасность подмены таких явлений, как отдельное свойство наблюдаемого (или реконструируемого) социального института и сам социальный институт как целостность. Например, общераспространенное деление людей по полу и возрасту дает основания для мысли о том, что отдельные социальные роли на любой стадии эволюции могли зависеть от пола и возраста индивидов. Однако если мы предположим, что общество, следуя этому фундаментальному свойству, вполне актуальному и для животного мира, и для современного общества, возникало путем формирования двух изолированных групп, состоящих из лиц только мужского и только женского пола, то это предполагает, что в процессе социальной эволюции при возникновении таких групп было снято различие социальных ролей по признаку пола (в пределах группы) и взаимодействие полов было сведено исключительно к биологическому воспроизводству (между группами).

В пределах групп одного пола при такой схеме, очевидно, предполагается существование социальной структуры, основанной исключительно на возрастном делении социальных ролей. Тем самым допускается, что в формирующемся обществе (или, пользуясь терминами приверженца этой идеи Ю.И. Семёнова, при переходе от сообщества предлюдей к первобытному обществу) в целом произошло упрощение ролевых функций по отношению к гипотетической предшествующей фазе состояния общества или биологического сообщества, т.к. сняты социальные (или этологические, что более приемлемо для животного мира) различия по признаку пола и взаимодействие между полами лишено социальной (или этологической) функции, сведено сугубо к биологии воспроизводства особей.

Такой конструкт формально вполне логичен, если принять за основу рассуждений тезис о том, что главными принципами, движущими развитием социальной организации на начальных этапах социогенеза, были подавление половых инстинктов и иррациональное (либо рациональное) стремление индивидов к регулированию полового общения. На самом же деле данная умозрительная конструкция изначально основана на полном принятии тезиса конца XIX в. о первичности статической ду-

альной организации общества по отношению к другим формам социальности и, по существу, является вариантом логического упражнения, цель которого — показать, что если дуальная организация общества была в основе социальности, то она должна быть основана на подавлении полового инстинкта и могла иметь только такую форму, хотя и не соответствующую общей тенденции социальной эволюции (переходу к более сложным организованным системам) и нежизнеспособную по своей сути. Наиболее четко и последовательно такая позиция в советской этнографии была представлена в работах Ю.И. Семенова.

Более подробно разбор феномена дуальной организации как варианта статических социальных членений сделан в другом месте (см. подробнее: [Гиренко 1980]). Здесь существенно отметить, что в советских построениях исторических моделей начала становления человеческого общества использовалась именно логика XIX в., когда отдельное свойство отождествлялось с социальным институтом в целом и затем подбирались примеры из этнографической реальности, где наиболее отчетливо это свойство было институировано. Так, в случае с дуальной организацией показывалась широта представительства этого свойства или отдельного социального института, что служило как бы очевидной иллюстрацией, подтверждающей достоверность гипотезы. Такой способ «статистического» подтверждения достоверности первичности социальных форм был в свое время предложен одним из основателей этнологии Э. Тэйлором в известной работе «О методах исследования развития социальных институтов, применимом к законам брака и преемственности родства» [Тэйлор 1888]. Дольше всего такой способ эволюционного мышления продержался в советской этнографии, как представляется, исключительно по политическим причинам, хотя для большинства исследователей в остальном научном мире эта логика уже давно является экзотикой. Дж. Мердок явно заблуждался, утверждая в 1971 г., будто идея о том, что все культуры прошли серию всеобщих и обязательных стадий в эволюции социальных и культурных форм, всемирно отвергнута компетентными учеными [Murdock 1959: 127].

Фундаментальный дуализм СР и СТР, в основе которого лежит тот факт, что любая СР воспроизводится путем соединения двух групп (группы мужа и группы его жены), вел и ведет в настоящее время исследователей к поиску некоторого древнего

источника этого дуализма. Так, А.М. Золотарев, как многие до него и после него, не сомневался в изначальной первичности дуальной формы организации общественного коллектива. В заключении к работе «Родовой строй и первобытная мифология», опубликованной через много лет после гибели автора и аккумулирующей огромный материал по мифологии догосударственных культур, он пишет: «Будучи первой упорядоченной формой общества, дуальная организация оказала глубочайшее влияние на мировоззрение человечества. В дуальной организации первобытный человек нашел готовый трафарет, которым он пользовался при классификации внешнего мира» [Золотарев 1964: 291]. Принцип оппозиции, без которого невозможна никакая классификация или оценка, и здесь соотнесен в плане первичности/вторичности с делением общества на две определенные группы, примеры существования чего имеются на всех континентах. Тем не менее и эта работа в наше время используется как подтверждение изначальности дуальной формы социального устройства.

Из перечисленных выше явлений, которые исследователи использовали для выяснения тенденций в эволюции общественных систем в глобальном масштабе или для преемственности отдельных форм социальных образований, наиболее строгими часто признаются исследования СТР в их соотношении с СР. В отношении этих общественных явлений проведено, пожалуй, больше глобальных изысканий и создано больше типологий, нежели в отношении каких-либо других общественных подсистем. Но, по-видимому, старые принципы, заложенные еще Л.Г. Морганом и Э. Тэйлором при формулировании соотношения перечисленных выше институтов, продолжают активно использоваться, даже если исследования направлены на опровержение отдельных положений Л.Г. Моргана. Об этом, в частности, свидетельствует ряд работ, опубликованных в последнее время, в частности, в альманахе «Алгебра родства» (Вып. 1) [1995].

Следует отметить несколько принципиальных моментов, без которых рассматривать соотношение СТР и системы родственных отношений представляется в настоящее время малопродуктивным:

1. СТР является системой, т.е. взаимосвязанным и взаимообусловленным набором категорий (нормативных видов отношений индивидов), зафиксированных в соответствующих

терминах. СТР обладает системностью только в отношении системы отношений. Иначе это просто группа слов языка, иногда обладающих некоторой спецификой какой-либо регулярности в изменениях, т.е. спецификой в собственно лингвистическом смысле. Для определения сходств и различий в реальных СТР они накладываются на гипотетическую систему (генеалогическую матрицу), в основе которой лежат связи индивидов по браку и происхождению и в которой все позиции определены и каждая имеет свой адрес или условное обозначение. Как обозначать позицию на генеалогической матрице — не важно, но при сохранении основного условия — каждой точке соответствует только один адрес.

2. Термины выражают конкретные нормативные типы отношений, существующих в обществе, и всегда предполагают соотношение статусных позиций между конкретными людьми, признаваемыми родственниками (свойственниками), участвующими (реально или потенциально) в этих отношениях прямо или опосредованно.

3. СТР сугубо эгоцентрична, т.е. это всегда определение (формулирование) отношения (прямого или опосредованного отношением других лиц) какого-то отдельного лица относительно говорящего, именуемого в научных схемах как эго (некоего «Я»), т.е. того, кто термин использует. Выражение отношения «эго (моя группа) — другой (другая группа)» лежит в основе всей номенклатуры родства и характерно для любых видов социальных взаимодействий. Но, в отличие от т.н. социоцентрических категорий, те, кого конкретный индивид эгоцентрически определяет неким термином, могут определяться совершенно другими терминами другими людьми. Если у двух и более людей эти классы родственников и конкретные лица совпадают, то в номенклатуре родства (но не свойства) таковыми являются только однополые сиблинги (например, братья). В этой связи можно заметить, что СТР всегда «дуальна», т.к. других родственников, помимо связей через отца и мать, индивиду не дано. Как не дано и свойственников, помимо тех, с которыми мужчина связан через жену, а женщина — через мужа. Но для различных индивидов это будут, как правило, различные группы относящихся к ним лиц, в связи с чем и было предложено такие формы именовать относительными, или динамическими, дуальностями в противоположность статическим, или абсолют-

ным, где лица, относящиеся к той или иной половине дуальной организации, «принадлежат» этой половине все и для всех (для членов как своей «половины», так и противоположной). В этой связи совершенно странной выглядит критика И.Ж. Кожановской в указанном альманахе [1995] Ю.И. Семенова за справедливое разделение эгоцентрической (относительной) номенклатуры и социоцентрических (абсолютных) наименований (т.е. тоже номенклатуры) брачных классов. Автор не согласен с замечанием Ю.И. Семенова о том, что если рассматривать соотношение СТР и СР, то относительность ТР коренится в относительности самой социальной группировки. На это замечание И.Ж. Кожановская возражает: «относительность термина коренится во взгляде, поскольку таковой термин обозначает не сам объект (это задача абсолютного наименования), а отношение, возникающее между объектом и эго, ту специфическую роль, в которой объект (в нашем случае брачный класс) выступает по отношению к данному говорящему индивиду... каждая секция по отношению к остальным трем выступает не в одном, а в разных качествах: для секции “В” секция “А” — в роли супруга; с секцией “С” она в “патрилинейных” отношениях, с секцией “D” — в “матрилинейных”».

...Социоцентрические — конкретные явления, а эгоцентрические — абстрактны по своей природе и обозначают сложившиеся типовые связи [Кожановская 1995: 12]. Было бы более справедливо усомниться в «относительности» группировки родственников, отражаемой в номенклатуре, т.к. эта группировка всегда конкретна, но терминологическое определение лиц, в ней участвующих, действительно относительно в том смысле, что они зависят от точки отсчета, от конкретного лица (эго) в этой группировке. В отличие от этого, брачный класс (как и возрастной класс в системе возрастных классов) будет одинаково именоваться всеми членами «секционного» (или возрастно-классового) общества, и все люди, относящиеся к брачному классу «А», будут всеми членами данного общества именоваться по имени брачного класса «А» (или определенно-возрастного класса) и никакого другого, кто бы ни служил точкой отсчета. В системе родственных отношений у каждого индивида в соответствующие категории родственников входят различные конкретные люди, в то время как группы людей, относящихся к секциям «А», «В», «С», «D», для всех членов дан-

ного общества (с брачными секциями) будут идентичны. При введении основного функционального критерия — избежание инцеста — в данном случае СТР вполне могла бы состоять только из четырех терминов «а», «b», «с» и «d», обозначающих брачные секции, а при двух секциях — и вовсе из двух терминов-обозначений. Вся остальная номенклатура просто излишня — остальные социальные роли вполне возможно отражать, как это часто и осуществляется, вне СР с использованием обозначений, не предполагающих эгоцентричности, типа «мужчина», «женщина», «ребенок», «старик», «хозяин» и пр. Предположение о первичности таких статусных обозначений социальных ролей по отношению к номенклатуре родства было выдвинуто еще У. Риверсом [Rivers 1907]. И следует заметить, что ТР тоже определяют статус обозначаемых ими лиц относительно эго, т.е., если настаивать на первичности статусных социоцентрических наименований, что вполне допустимо, они сохраняют это качество, но предполагают введение особой характеристики — статус по отношению к данному индивиду (эго). Если принять во внимание тот факт, что оппозиция «свой — чужой (мой — иной)» лежит в основе определения (осмысления и формулирования) любой социальности, то обозначенные две «секции» совершенно не обязательно должны делить всех людей данного гипотетического коллектива на две взаимобрачующиеся группы. Достаточно простого определения типа «наша» (имярек) в противоположность «не нашим», сколько бы таковых ни имелось. Такая схема была предложена в качестве некоторого варианта механики возникновения экзогамии «нашей» группы на этапе становления первичных социальных коллективов. Основа возникновения практической экзогамии «нашей» группы на ранних этапах общественного развития лежит не в существовании некоторого мистического запрета, а в большей вероятности обеспечения брачным партнером за пределами малой группы охотников и собирателей, но в пределах множества, некоторой совокупности таковых малых групп. Вся остальная масса негативных последствий ориентировки на поиск внутреннего партнера (в пределах малой группы) могла только стимулировать закрепление в мировоззрении, культуре большей вероятности и предпочтительности поиска брачного партнера за пределами «нашей группы», т.е. экзогамии «нашей» группы в качестве категорического императива. В основе этого

экзогамного запрета лежит столь же категорический императив обязательности для каждого индивида включения в биологическое воспроизводство, т.е. обязательность брака, а не его запрет (см. подробнее: [Гиренко 1995]). Последнее унаследовано еще из «досоциального» состояния и существует по сей день, что подтверждает и существование экзогамных норм в любом современном или известном науке обществе вне зависимости от уровня социального и экономического развития.

Важно подчеркнуть, что рассуждения о «возникновении» экзогамии в прошлом веке, да порой и сейчас, на самом деле направлены не на выяснение функциональной обусловленности «брака во вне», а на выяснение социальных институтов и культурных традиций, с которыми экзогамия связана. Возникновение, изменение отдельных конкретных экзогамных норм, возникновение и изменение конкретных форм социальных образований, связанных с экзогамией, на самом деле и составляет основное содержание исследований систем родственных отношений.

С одной стороны, СТР не только эгоцентрична, но и вторична по отношению к системе социальных взаимодействий — к СР, вне отношения к которой она, собственно, системой не является. С другой — определяется она относительно искусственной матрицы, искусственной идеальной схемы, в отношении которой исследуемые СТР сопоставляются и, соответственно, объединяются в типы, варианты и пр. Это не меняется ни в том случае, когда номенклатура «переводится» на доступный для понимания исследователей иной язык, как это делал Л.Г. Морган, ни когда описание места, покрываемого значением термина (набор адресов) на абстрактной генеалогической матрице, производится в условных обозначениях, например посредством кода Левина, или иными символами. Эгоцентричность номенклатуры в данном случае (на матрице) находит отражение в том, что система координат здесь представлена точкой в центре генеалогической матрицы (условное эго), по отношению к которой любая другая точка представляет собой возможное значение термина (условный альтер). При создании такой схемы возникает соблазн переставлять местами эго и альтера, как бы меняя позиции индивидов, и заранее вкладывать «биолого-генеалогическую» логику интерпретации терминологических отождествлений и противопоставлений и их интерпретаций, т.е. переносить эту логику на

социальную реальность. Так, неразличение сиблингов от орто- и кросскузенов, обозначение родственников поколения родителей теми же терминами, что и родителей, интерпретировалось в свое время как указание на реальное неразличение их в отношении брачных норм и рудимент существовавшего некогда «промискуитета»; терминологическое объединение поколений внуков и дедов — как неразличение генеалогических поколений или экстравагантные формы браков и пр. Особенно устойчива традиция восприятия особенностей структуры СТР на генеалогической матрице как особенностей структуры общества в целом. Так, неизбежная бифуркация СТР на родственные связи через отца и через мать до сих пор воспринимается как свидетельство обязательного деления общественной системы на две взаимообрачающиеся группы, представленность в СТР родственников трех родовых групп (при принадлежности эго либо к родственникам отца, либо к родственникам матери) — как свидетельство неперменного существования в прошлом или настоящем замкнутой системы из трех экзогамных коллективов. Элементарный принцип неизбежной дуальности СТР, восходящий к универсальному факту брака мужчины и женщины, при неизбежной эгоцентричности номенклатуры родства постоянно возвращает исследователей к предположениям об универсальном социальном дуализме общества. Одной из таких попыток является постулирование в качестве начальной «тетраидной» модели, в которой делается попытка внесения в «генеалогическую» матрицу элемента динамики. Основное направление рассуждений в последнем случае таково: тетраидная модель из двух взаимообрачающихся коллективов минимально необходима для существования СР, и в связи с этим она первична, а как следствие — дравидийские типы СТР, в которых прослеживается кросскузенный брак и слияние категорий родства и свойства, наиболее архаичны. Основное свойство таких архаических систем видится именно в предотвращении инцеста, а не в обязательности осуществления брачного императива для всех членов коллектива. Так, приводится один из основных аргументов в пользу тетраидной модели: «Только при тетраидной модели наиболее просто и логически обоснованно гарантируется задача избегания инцеста» [Allen 1986: 91]. Здесь вновь как бы за скобки выносятся тот факт, что брак, считающийся инцестным в одних системах, в других таковым не является. Что такое иде-

альный брак — вопрос сугубо культурной нормы, но нет систем родственных отношений, не предполагающих запрет брака в пределах некоторого набора родственников.

Учитывая, что в данной модели представлены (взяты) минимальные свойства любой системы (брак двух пар, состоящих из мужчины и женщины, и результат — появление аналогичных двух пар, причем постулируется, что данные пары — сиблинги и такой обмен производится из поколения в поколение), здесь, действительно, представлены минимально необходимые свойства самовоспроизводящейся абстрактной модели, если под «сиблингами» подразумевать членов экзогамных групп любой конфигурации, вынужденных искать партнера извне, и признать, что обмен производится только между двумя экзогамными коллективами. Действительно, все остальные виды СР по отношению к таковому будут усложнением. Остается только непонятным, для каких целей необходима остальная номенклатура с дифференциацией родственников, помимо собственно маркера принадлежности к дуальной половине или брачной секции. Единственный ответ обычно сводится к необходимости предотвращения сексуальных поплзновений со стороны старших и младших поколений эго (его/ее отцов и сыновей, матерей и дочерей и т.д.). По той же логике легко объяснить упрощение терминологической системы, например при возникновении поколенной (генерационной) номенклатуры, в целях снятия таких опасений.

Неразличение эгоцентрической и социоцентрической номенклатур позволяет авторам вслед за Э. Тэйлором рассматривать в единой цепи причинно-следственной обусловленности брачные секции, системы возрастных классов и СР на основании того, что все три института в той или иной степени регламентируют и брачные отношения между людьми в зависимости от их пола, социального возраста и принадлежности к определенной группе генеалогического поколения. Игнорирование того факта, что СТР может быть выявлена только в отношении биологической матрицы, но реально качеством системности обладает только в отношении системы социальных отношений, ведет к целому ряду недоразумений при попытках интерпретации содержания отдельных терминов и способов осознания самими носителями определяемого в термине отношения. Так, в одной из статей альманаха отмечается, что в вокативной системе некоторых

народов Африки (пенде, ньакьюса) и за ее пределами предок и потомок (родитель–ребенок) обозначаются одним термином [Дзибель 1995: 140]. Действительно, у ньакьюса термин *mwanangu* употребляется как взаимный в обращении друг к другу между отцом, матерью, сыном и дочерью. В отношении к детям, действительно, данное слово (с соответствующими конкретизаторами) используется и как референтивный термин, и как вокативный. Но в отношении к лицам восходящего поколения или между супругами он используется исключительно как вокативный, т.к. для обозначения данных социальных категорий родственников существуют вполне отдельные референтивные термины. Но дело не только в этом. Действительно, термин «*mwanangu*» (*mwana* + *ngu* — мой) широко представлен в номенклатурах этого региона в его «генеалогическом» значении — «мой ребенок». Но если обратиться к более широкой лексике той же группы языков, то он не несет собственно генеалогического смысла. Так, женщина, в отличие от жены, будет именоваться *mwanamke*, что следовало бы понимать как ‘ребенок женщины’, соответственно мужчина — ‘ребенок мужа’ (*mwana-mume*), *mwananchi* — ‘гражданин’ (‘ребенок страны’), *mwanafunzi* — ‘учащийся’ (‘ребенок ремесла’), *mwana wee* следовало бы переводить как «ты ребенок», что недопустимо, так как оно употребляется для указания на сопричастность, близость, предполагающую взаимопонимание «сам (сама) понимаешь», «что ты» и т.д. (яз. суахили). Будет недопустимым упрощением слово «Рюрикович» понимать как «сын Рюрика», а «русич» — как «сын Руси». Так и титул одного из восточноафриканских вождей *Mwanasimba* ошибочно переводить как «сын льва». Точно так же употребляется и суахилийский термин *mtoto*. В сочетании с притяжательным местоимением *wangu* — ‘мой’ оно будет обозначать ‘мой ребенок, мое дитя’, при дополнении еще и конкретизирующего полслова — «мой сын» или «моя дочь», а выражение *mtoto wa watu* (дословно — ‘ребенок людей’) переводится как ‘знатный’, ‘породистый’ (о человеке). Вне соответствующего контекста оно будет обозначать только соответствующий возраст (не взрослый). В языке папуасов деревни Бонгу (Берег Маклая, Папуа — Новая Гвинея) *TP abatra* используется для обозначения сиблинга одного пола с говорящим в пределах родовой группы (вемуна) в противоположность кровному (от одного отца) брату (или сестре, если

говорит женщина) — *abadamu*, если речь идет о внутривидовых отношениях. Однако если речь идет о межвидовых отношениях в пределах общины Бонгу, то он используется для обозначения родственника внешней родовой группы, в противоположность родне «моего» рода. Если речь идет о взаимоотношениях между группой родов Бонгу и внешней общиной, то он может использоваться для обозначения людей этой внешней общины, в то время как «наши мужчины» будут «*aba*», т.е. кровные родственники. Интересно, что папуасы полагали, что ту же дихотомию можно продолжить. Так, все папуасы и русские в связи с некоторым культом Миклухо-Маклая в этом районе по отношению друг к другу — *abatra* (внутри себя — *aba*), в то время как австралийцы по отношению к папуасам — «*tan'ag*», т.е. чужаки, совершенно внешние люди (собственные данные по экспедиции АН СССР 1972 г.). В меланезийском пиджине точно в таких же значениях используются термины «*brata*» и «*sista*». Совершенно очевидно, что ни к каким пережиткам дуальной организации эти дихотомии относиться не могут, как не замечено у бонгу и следов социальной дуальности. Тот же термин «тангар» может использоваться и для обозначения любой группы, с которой можно вступать в брак, т.к. никаких запретных связей с ними нет.

Контекстуальность значения слов, используемых и как ТР, — широко распространенное явление, требующее специального исследования, но вряд ли с полной достоверностью можно утверждать, что слово как ТР во всех случаях первично по отношению к так называемым «переносным» его значениям. Можно долго спорить, что первично в терминах «жена», «муж» во многих языках — собственно брачная связь конкретных лиц или просто обозначение женщины и мужчины (женатого, замужней), статус в хозяйстве (хозяин, хозяйка).

В концепции исторической (эволюционной) «первичности» самой простой из зафиксированных или реконструируемых СТР и родственных отношений неизбежно вводится предположение, что изначально никакой регламентации в отношении брачных норм, или точнее — регламентации биологического воспроизводства и соответствующей этологии, не было, хотя наблюдения над животным миром демонстрируют обратное.

Н. Аллен этот «начальный» этап предполагает следующим: «Можно вообразить себе общество, в котором происходит бес-

порядочное соитие и в котором дети, однажды родившись, в дальнейшем не имеют ничего общего с матерью, а остаются одни с отцом или со своими сиблингами» [Аллен 1995: 26]. Жалко, что в этой гипотетической картине не уточнено, дети какого пола остаются со своим отцом и какими сиблингами и с какого до какого возраста (т.е. какова должна быть гипотетическая демография такого сообщества). Непонятно, почему дети должны оставаться именно с отцом, а не с матерью, т.к. большинство свидетельств указывает на то, что и в животном, и в человеческом обществе «потомство» до получения возможности вести самостоятельную (социальную или животную) жизнь, как правило, сосуществует именно с матерью, а не с сиблингами (вероятно, мужскими?) или «отцом». Можно сказать, что «беспорядочное соитие» присутствует на уровне растений и низших животных, где, впрочем, оно уже регламентировано сезонностью, так что речь может идти о «безупорядочности» исключительно в генеалогическом плане. В таком случае самые упорядоченные — это пчелы и муравьи, где единственная матка производит несколько «бесполох» поколений, а способные к размножению особи выращиваются сообществом по мере демографической необходимости.

Отмеченное несоответствие структуры отношений, как она «реконструируется» на основании номенклатуры родства, а точнее — отражается в ней, и реальной социальной структуры (структуры социальных групп, реально существующих в обществе, и их соотношений) составляет основную сложность в использовании СТР в качестве синхронного источника для описания общественной системы как источника для синхронной и эволюционной типологии СР и основанных на ней реконструкций общественных систем. Л.Г. Морган несоответствие СТР и СР трактовал только как отставание в развитии СТР от СР, но специфику эгоцентрической проекции СТР практически не учитывал. Впрочем, эта специфика недостаточно учитывается, как видно, и в современных работах, связанных с использованием СТР в качестве этносоциологического источника.

В связи с постоянной со времени Дж. Макленнана и Л.Г. Моргана апелляции к существующим и гипотетическим «простым» формам социального устройства как к первичным по отношению к более сложным и современным, хотелось бы высказать ряд соображений. Аргументы середины XIX в. восходят к общепhilософским рассуждениям о том, что развитие суть

усложнение, включение предшествующей стадии в процессе развития живой материи в стадию последующую. Клетка проще, чем многоклеточный организм, община проще, чем государство и т.д. Со времен Г. Спенсера и Э. Дюркгейма в социальной антропологии тоже используется понятие «социальный организм», при рассмотрении общества как отдельной саморазвивающейся системы. Но любая система, в том числе и система общественная, состоит из компонентов, составляющих ее подсистему. Изучение истории развития общества — суть история эволюции и представленных в нем компонентов, в том числе и систем родственных отношений. Если в патриархальной теории Мэйна общественное развитие предстает как последовательное развитие из патриархальной семьи, то у Л.Г. Моргана — как переход от широких неструктурированных сообществ к дуальной организации, родовой и далее к государству с описательными СР и «римским» родом. Предполагается, что и системы родственных отношений развивались от «простых» — к более «сложным».

Аллен 1995 — *Аллен Н.* Начальный этап эволюции терминологии родства дравидийского типа // АР-1. С. 26–42.

Гиренко 1980 — *Гиренко Н.М.* Дуальная организация и тураноганованские системы: к вопросу о статике и динамике в социальной структуре // АЭС. Л.: Наука, 1980. Вып. XII. С. 101–128.

Гиренко 1995 — *Гиренко Н.М.* Экзогамия // Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб., 1995. № 4.

Дзибель 1995 — *Дзибель Г.В.* Феномен генерационного скашивания в системах родства // АР-1. С. 138–172.

Золотарев 1964 — *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.

Кожановская 1995 — *Кожановская И.Ж.* О тетраидной теории Н.Дж. Аллена: Некоторые предварительные замечания // АР-1. С. 7–26.

Тэйлор 1888 — *Тэйлор Э.* Об исследовании эволюции социальных институтов. СПб., 1888.

Allen 1986 — *Allen N.J.* Tetradic theory: An approach to kinship // JCA. 1986. Vol. 17.

Murdock 1959 — *Murdock G.P.* Evolution in social organization // Evolution and anthropology. Washington, 1959.

Rivers 1907 — *Rivers W.* On the origin of classificatory system of relationships // Anthropological essays presented to Edward B. Tylor. Oxford, 1907.